

Севера общенациональных элементов. Для современной российской историографии это новый подход. Автор обладает редкой профессиональной квалификацией – хорошая теоретическая подготовка, полученная ею в стенах Ленинградского государственного университета, сочетается с широким кругозором в области истории северного края.

Проведённое Т.И. Трошниковой исследование обладает многими ценными качествами. Вместе с тем оно не лишено и некоторых недостатков. Наиболее ощутимым из них является неудачная структура. В основу книги положены сословные и демографические признаки населения и социальные процессы, в которые оно было втянуто. Расположение материала по социальным институтам и группам вызвало частое повторение одних и тех же сюжетов. Возможно, целесообразнее было бы выстроить книгу по проблемно-хронологическому принципу, начав с

этапа формирования северорусского социума, когда под влиянием природных факторов закладывались его наиболее сущностные черты, а затем проанализировать его трансформацию под воздействием политики государства, разбив на естественные этапы – раннеимперский, позднеимперский, советский.

В заключение хотелось бы отметить, что появление монографии Т.И. Трошниковой – ещё одно свидетельство пробуждения провинциальных исторических школ. К сожалению, и этот позитивный процесс не исключает складывания замкнутых региональных профессиональных сообществ, появления местных самодостаточных «классиков». Но в данной книге ясно ощущается желание учиться новому и делиться полученным знанием, стремление к общероссийскому диалогу с коллегами.

О.М. Морозова

Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков. Антология / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. 528 с.

В рамках проекта Германского исторического института «*Ubi universitas, ibi Europa*» (лат. «где университет – там Европа»), поддержанного фондом Герды Хенкель, вышла в свет антология, составленная из памятников общественной мысли XVIII – начала XX в. по истории университетской идеи в России. Собранный в книге материал имеет непосредственную связь с другими трудами проекта: биографическим словарём «Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.)» (М., 2011) и готовящейся итоговой коллективной монографией об укоренении университетских традиций в академической культуре Российской империи. В то же время рецензируемая антология, несомненно, имеет и самостоятельную ценность, поскольку её хронологические рамки и широкий охват в ней вопросов, связанных с историей науки и высшего образования, позволяют со всей отчётливостью проследить этапы развития уни-

верситетской системы дореволюционной России.

Концептуальной основой антологии является понятие об «университетской идее», её восприятии и развитии в российской академической культуре. Какой же смысл вкладывают в него составители? Как указывается в предисловии, так обозначается «весь комплекс представлений об университете как таковом, о его целях и задачах, отношениях внутри университетской корпорации, а также между ней и окружающей общественной средой и государством» (с. 9). Отсюда можно понять, что «университетская идея» – это не набор застывших схем, а живая, меняющаяся часть общественного сознания. Она появляется в России вместе с потребностью в высшем образовании и первыми проектами его внедрения. Первые формы, которые она здесь принимает, были заимствованы из Западной Европы (прежде всего из Германии), и это лишь проявление общеевропейской закономер-

ности – на протяжении сотен лет «университетская идея» распространялась путём трансфера институтов высшего образования, перемещения профессоров и студентов из одной страны в другую. Но затем, в условиях нашей страны, эти внешние, перенесённые из других государств идеи об организации университета видоизменяются, приспосабливаются к местным традициям, и так постепенно вырастает представление о задачах университета для России, его общественных функциях, месте в государственной системе Российской империи. Естественно, такой процесс вызывал обсуждение в обществе, и если первоначально он затрагивал лишь академическую среду и государственных деятелей, то постепенно дискуссии распространялись и в более широких слоях интеллигенции, писателей, публицистов. В данной антологии составители стремились представить по возможности весь спектр людей и мнений. Нелишне подчеркнуть, что университетский вопрос (в том числе дискуссии об «университетской идее») начиная с середины XIX в. превратился в России в одну из важнейших составляющих общественной мысли, став полем столкновения либералов и консерваторов.

Структура книги включает четыре раздела, образованных по хронологическому принципу: первый охватывает период с конца XVII до начала XIX в., второй – 1830–1840-е гг., третий – вторую половину XIX в., четвёртый – начало XX в. Всего составители собрали здесь рассуждения более 30 мыслителей, государственных и общественных деятелей (в первую очередь, самих представителей академической среды, русских профессоров) по проблемам развития отечественного высшего образования. Эти материалы различны по характеру – от актов речей и небольших заметок в периодике до целых брошюр и книг, посвящённых обсуждению «университетской идеи». В последнем случае составители вынуждены были приводить тексты в сокращении, делая подборку наиболее принципиальных и важных с концептуальной точки зрения высказываний того или иного автора по затрагиваемой теме. В книге также помещены два ключевых для понимания

европейской идеи классического университета сочинения, принадлежащих перу видных немецких мыслителей – В. фон Гумбольдта и Ф. Шлейермахера.

Каждый текст антологии снабжён небольшим вступлением, где излагается история его появления, биография автора и его общая позиция в дискуссиях об университете. Комментарии выполнены на высоком академическом уровне, и в то же время не формально, живо, и читаются с большим интересом. Кроме того, заслуживают особого упоминания предисловия составителей, написанные ими к каждому разделу. В них в сжатой форме отражена эволюция университетских представлений в России, во-первых, на фоне общемировых процессов (в этом смысле особенно важным является рождение на рубеже XVIII–XIX вв. европейской концепции «классического университета» и её последующая адаптация в нашей стране), а во-вторых, в контексте развития российской общественной жизни. По сути, эти предисловия дают ключ к прочтению последующих текстов раздела, где обсуждаемые концепции раскрываются более детально. Такая структура несомненно удобна для использования антологии в учебном процессе, позволяя современным студентам составить предметное представление о содержании классического университетского образования. Но и в научном плане выход антологии поможет активизировать дискуссии по ключевым вопросам университетской истории дореволюционной России.

Несомненная новизна антологии заключается прежде всего в том, что составители отправную точку развития «университетской идеи» в России датируют концом XVII в. Читателям предстоит поразмыслить над темой нереализованного до конца проекта православного университета в Московском царстве – проекта, который в случае успеха вписал бы начало русского университетского строительства в контекст общеевропейского процесса создания конфессиональных университетов в эпоху Реформации. Ведь именно в ответ на эти европейские проекты и были выдвинуты идеи Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева об основании Московской академии. Составители под-

водят к мысли о том, что уже к началу петровских преобразований в Россию проникло представление о так называемом «доклассическом» (средневековом) типе университета, который представлял собой привилегированную корпорацию профессоров и студентов, пользующуюся академической автономией в научно-педагогической, корпоративно-правовой (судебной) и финансовой сфере под эгидой Церкви и государства (с. 13).

Пристальное внимание в антологии отведено идеологии государственного утилитаризма в подходе к российским университетам. Многие помещённые в книгу тексты демонстрируют, что властное вмешательство в образовательный процесс сопровождалось требованием обучать студентов практически полезным навыкам, востребованным коронной службой. Впервые обоснованный в эпоху петровских реформ, этот утилитаристский принцип был присущ и царствованию Екатерины II, и эпохе Николая I. Составители показывают, что утилитаристские тенденции отнюдь не являлись особенностью одной лишь России, но органически входили в общеевропейскую идеологию просвещённого абсолютизма. Власти повсюду ограничивали корпоративную автономию университетов, стремясь унифицировать учебный процесс на единых требованиях, исходя из «государственной пользы». Поэтому прямые аналогии идей, высказанных, например, в проекте О.П. Козодавлева, отразились в университетских реформах, проведённых в монархии Габсбургов, а принятые за образец для российских университетов в начале XIX в. немецкие «модернизированные» университеты типа Галле и Гёттингена также соединили расцвет наук и твёрдый государственный контроль вплоть до возможности прямого вмешательства в управление университетом (но не в научную жизнь учёных!). Роль государства в обеспечении деятельности «классического» университета подробно описал (на примере Берлина) К.Д. Кавелин.

В то же время другие тексты антологии показывают, как в России постепенно возникало сопротивление этой идеологии государственного вмешательства в университетскую жизнь, которое в результате

легло в основу течения академического либерализма, всеми силами отстаивавшего университетскую автономию (см. тексты Н.И. Костомарова, В.И. Вернадского, Е.Н. Трубецкого, Л.И. Петражицкого). В результате развития этого противостояния к началу XX в. значительная часть ведущей университетской профессуры оказалась в России в оппозиции к правительству, тогда как в немецких университетах профессура тогда, напротив, являлась одной из наиболее мощных опор правящего режима.

Составители антологии подробно раскрывают позиции тех деятелей русского просвещения, которые стремились сблизить нормы жизни европейских и русских университетов. Все они, начиная с М.В. Ломоносова, хотели инфраструктурных перемен: адаптации профессии учёного к общегосударственным потребностям; формирования научно-педагогической базы (лабораторий, семинаров и др.); создания единого научного пространства с Европой – см. тексты Я.М. Неверова, М.Н. Каткова, К.Д. Кавелина, В.И. Герье. Эта группа «западников» не была безусловно доминировавшей общественной силой в дискуссиях по университетскому вопросу. Ей неизменно противостояли консерваторы, например, Жозеф де Местр, или Н.М. Карамзин, которые высказывали сомнения в возможности немедленных успехов университетской науки в России после переноса сюда европейских институций и предлагали, напротив, приостановить заимствование, а также оппоненты либералов из среды самой профессуры – Н.Х. Бунге, Н.А. Любимов. Но в конечном счёте «побеждали», судя по всему, именно русские «западники». Ведь профессора-либералы обращались за поддержкой собственных инициатив к русскому обществу, вели его в будущее, обещая всем своим слушателям не только резкий прорыв в развитии университета, но через него – и грядущие изменения в политической и общественной жизни в целом, строительство благодаря университетам новой, «молодой России» на демократических основаниях, уже заложенных в принципах университетской автономии.

Правда, тут же встаёт другой вопрос, который составители антологии также

осознают и подчёркивают: насколько мечта русской либеральной профессуры конца XIX – начала XX в. соотносилась с идеалами классического, научно-исследовательского университета, обоснованными немецкими гуманистами начала XIX в.? И очень ценный материал для суждения об этом даёт, например, дискуссия между убеждённым консерватором, поборником прусских порядков Любимовым и умеренным либералом Герье, которая показывает, что к классическим университетским идеалам стремились и либеральная, и консервативная часть профессуры, только вот шаги в сторону европейского университета каждая из них предлагала свои. Для консерваторов такими шагами были передача конкурсного замещения профессорских должностей в Министерство народного просвещения, отделение университетского экзамена от преподавания (через введение «государственного экзамена» во внешних комиссиях), увеличение числа и облегчение доступа к преподаванию для приват-доцентов с одновременным недопущением роста количества профессоров и др. Для либеральной же позиции, которую в данной дискуссии выражал Герье, напротив, шагами по сближению с «классическим» идеалом было укрепление роли и властных полномочий университетского Совета, увеличение количества штатных должностей (и не только профессоров, но и доцентов), отмена государственного

экзамена и общих курсов в пользу более профилированного преподавания и т.д. Из возможности столь разного, практически противоположного толкования одних и тех же принципов становится понятным, что как классический, исследовательский университет в Европе (на который ссылались и Любимов, и Герье), так и русский университет находились в стадии становления. На завершающем этапе национального университетского строительства, который пришёлся на начало XX в., русские университеты смогли «догнать» (если уместно использовать подобную терминологию) своих европейских собратьев с тем, чтобы в дальнейшем развиваться с ними на равных, чему, увы, помешала кардинальная ломка отечественной высшей школы после Октябрьской революции.

Антология позволяет увидеть, что развитие отечественного университетского образования прошло через те же стадии, что и в Европе в целом: доклассический (средневековый) университет, модернизированный университет XVIII в. с преобладанием утилитарных тенденций, наконец, классический научно-исследовательский университет XIX – начала XX в. Русская специфика развития университетской идеи заключалась в наложении по времени и очень «спрессованном» прохождении всех этих этапов, что и вызывало к жизни непрекращающиеся общественные дискуссии.

А.Е. Иванов

Библиография. Археография. Источниковедение: Сборник статей и материалов. Вып. 1 / Ред.-сост. А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов. СПб.; М.: Старая Басманная, 2012. 216 с.

Рецензируемый сборник привлекает внимание, прежде всего, своей тематикой. Отрасти исторического знания, вынесенные в его название, в последнее время не столь часто становятся предметом отдельных изданий, поэтому выход книги не остался незамеченным историками. Сборник составили статьи, подготовленные участниками трёх заседаний «круглого стола» Российской библиотечной ассоциации «Библиографическое и археографическое источниковедение в библио-

теках, архивах и музеях», проходивших в Вологде (2009), Томске (2010) и Тюмени (2011)¹. Само создание в 2009 г. этого форума было направлено на формирование взаимодействия между библиотеками и архивами России в сфере выявления, изучения и использования печатных и рукописных источников по региональной истории и биобиблиографии. Цели, задачи и направления деятельности «круглого стола» раскрыты в приложении к сборнику; там же помещён текст «Обращения к